УДК 7:069.02(470+410):615.8

А. К. Филякова

Арт-терапевтическая практика в художественных музеях России и Великобритании

Арт-терапия является одним из наиболее эффективных средств психологической адаптации. В конце XX – начале XXI в. в мире намечается тенденция к внедрению арт-терапевтических практик в музейное пространство. Данная статья посвящена сравнению методик проведения арт-терапевтических занятий в художественных музеях Великобритании и России.

Ключевые слова: арт-терапия, импрессивная арт-терапия, экспрессивная арт-терапия, психологическая адаптация, Русский музей, галерея Тейт Британ

Aleksandra K. Filyakova

The art therapy practice in the art museums of Russia and United Kingdom

The art therapy is playing a significant role in the psychological adjustment of people with different mental problems. At the turn of the century there is a trend to inoculate the art therapy practices to the museum space. This article is devoted to the methods of conducting the art therapy sessions in the art museums of Great Britain and Russia.

Keywords: art therapy, impressive art therapy, expressive art therapy, psychological adjustment, the Russian museum, Tate Britain gallery

Искусство как «факт проявления внутренней, творческой интенции человека»[1] рассматривается как источник исцеления с древних времен. Однако в самостоятельное научное направление арт-терапия выделилась лишь в 40-е гг. XX в. в Великобритании, благодаря исследованиям Адриана Хилла. Но, несмотря на сравнительную молодость, сегодня арт-терапия занимает важные позиции в числе терапевтических практик по всему миру, в том числе практик музейных.

Методы арт-терапии позволяют оказывать помощь в психологической адаптации людям с очень обширным спектром проблем, таких как тяжелые психические заболевания, различные нарушения развития, острые или хронические стрессы, психические зависимости, биполярные расстройства личности, семейные кризисы, кризисы личностного роста и т. д. Конечно, мы не можем говорить о полном выздоровлении благодаря использованию методов одной только арт-терапии, особенно, если речь идет о людях с тяжелыми нарушениями, но тем не менее возможен ряд позитивных изменений, ведущих к эволюции личности на психологическом уровне. Такие как, например, переход от отрицания – к принятию, от деморализации – к обретению чувства собственного достоинства, от одиночества – к сотрудничеству, от замыкания внутри каких-то узких сдерживающих рамок – к свободе творческого выбора и самовыражения.

На сегодняшний день становится очевидным необходимость активного использования арт-терапии как эффективного современного средства психологической адаптации к агрессивной внешней среде. Поскольку специалисты Великобритании стояли у истоков арт-терапевтических практик, то их опыт в данной сфере кажется нам наиболее интересным и необходимым для рассмотрения. Поэтому в данной статье мы бы хотели сравнить опыт арт-терапевтической работы в музеях Великобритании и России.

Существуют разные подходы к определению понятия «арт-терапия». В англоязычной литературе оно обозначается как вид терапии, основанный на занятиях изобразительным искусством[2]. В России само определение арт-терапии включает более широкий контекст, поскольку данное понятие трактуется здесь как «один из методов психологической работы, использующий возможности искусства для достижения положительных изменений в интеллектуальном, эмоциональном и личностном развитии человека»[3], т. е. речь идет о взаимодействии со всеми средствами искусства: музыкой, движением, рисованием, лепкой, театральной драматизацией, работой по восприятию художественных произведений.

Разница в трактовке термина явилась определяющей и для разницы в подходах в осуществлении арт-терапии с акцентами на **экспрессивной**[4] и **импрессивной**[5] методиках.

В России оформились два основных подхода к арт-терапии: медицинский и музейный. Медицинский подход к арт-терапии предполагает основательные профессиональные знания в области психоанализа, а также подразумевает длительные психотерапевтические консультации пациентов. В музеях же сложился инновационный подход использования искусства как средства психологической поддержки.

Активное развитие музейной терапевтической практики пришлось на начало 90-х гг. XX в., когда впервые в центре музейной педагогики Государственного Русского музея возник инновационный долгосрочный проект «Шаг навстречу», который включил различные форматы взаимодействия с детьми с особыми потребностями[6].

Сегодня программы арт-терапии существуют во многих художественных музеях России: в Государственном Эрмитаже, в Государственной Третьяковской галерее, в Саратовском художественном музее им. А. Радищева, работа с посетителями с ограниченными возможностями ведется в художественном музее Карелии и др.

Однако особого внимания заслуживают программы Государственного Русского музея, где данное направление динамично развивается. Сегодня в музее существует собственный курс подготовки будущих арт-терапевтов, построенный по модели британского Голдсмит-колледжа. Проект «Шаг навстречу» так же получил активное развитие, и сегодня в рамках него существует уже огромное количество авторских программ арт-терапии, предназначенных для различных категорий посетителей.

Одной из таких программ является программа «Мир искусства». Программа представляет собой цикл занятий, проводимых в течение года, в процессе которых участники программы знакомятся на экспозиции с произведениями русского искусства, обсуждают их с педагогом, делая акценты на эмоции и ощущения, вызванные данными произведениями, после чего участники имеют возможность создать свое произведение под воздействием полученных впечатлений. Поскольку занятия проводятся для групп с определенными ментальными проблемами, то здесь важную роль играет способность группы воспринимать предложенные произведения. Так, например, можно отметить, что активную эмоциональную реакцию вызывают те полотна, где ведущие роли играют различные символы, свет и яркие цвета, такие как, например, «Древний ужас» Л. Бакста и «Небесный бой» Н. К. Рериха. Так же положительно воспринимается «образ природы» в картинах, который оценивается как своеобразный «парадиз», место, где можно спрятаться от мира. Гораздо сложнее идет восприятие «сюжетных» картин, таких как, например работы И. Е. Репина, поскольку они рассчитаны на то, что зритель самостоятельно выстроит историю, фрагмент из которой изобразил художник, но для групп с ментальными проблемами это может оказаться тяжело в силу проблем с концентрацией внимания.

В процессе знакомства с произведением искусства зритель воспринимает не только его визуальные характеристики, но и мироощущение, и психологическое состояние его автора. Однако в некоторых случаях способность человека рефлексировать произведение искусства напрямую связана с его психоэмоциональным состоянием, поэтому реакция двух разных людей на одну и ту же картину может отличаться. Так, в упомянутом выше произведении Н. К. Рериха одни участники видят победу света над тьмой, а другие наоборот. Главная задача педагога в таких ситуациях способствовать развитию совместного обсуждения впечатлений между участниками программы. Поэтому в ходе занятия педагог применяет не только традиционный метод показа и рассказа, но и активно взаимодействует с аудиторией, задавая вопросы, обсуждая возникшие проблемные ситуации, создавая среду психологически комфортную для активного диалога.

После знакомства с произведениями на экспозиции музея у участников есть возможность выразить свои эмоциональные переживания, а также полученные в ходе сеанса впечатления в процессе создания собственной художественной работы.

Таким образом, данная программа представляет собой сбалансированную интеграцию элементов импрессивной и экспрессивной арт-терапии.

В Соединенном Королевстве Великобритании ситуация сложилась иначе, и большую популярность получила экспрессивная арт-терапия, когда процесс терапии происходит путем творческого самовыражения через непосредственное художественное творчество в присутствии профессионального арт-терапевта. Как правило, данный процесс никак не связан с музеями, поскольку встречи пациентов с арт-терапевтами происходят в специально оборудованных арт-терапевтических центрах и не подразумевают использование каких-либо музейных средств.

Однако в последние годы в Великобритании наметились тенденции к внедрению арт-терапевтических методик в музейное пространство. Одним из таких проектов стала реализованная в 2007 г. на базе галереи Тейт программа, направленная на оказание психологической помощи людям, работающим сиделками или являющимися опекунами и осуществляющими уход за больными родственниками[7]. Эта программа имела важную социальную значимость, поскольку часто стрессовые ситуации, которыми наполнена жизнь этих людей, не позволяют выразить их беспокойства и страхи словами, что ведет к нервным срывам, изоляции и отчуждению, и сеансы терапии необходимы этим людям не меньше, чем их подопечным.

Программа состояла из двух частей. На первом этапе был создан специальный маршрут по экспозиции галереи, в который были включены работы, способные, по ожиданию терапевтов, создать определенный эмоциональный резонанс, который затем можно было обсудить. Руководили процессом обсуждения и направляли его в нужное русло присутствующие на экспозиции арт-терапевт и сотрудник галереи. Вторая часть заключалась в обсуждении участниками проекта работ, созданных лично ими, под руководством арт-терапевта. В данном проекте так же важную роль сыграли выбранные специалистами произведения. Так, например, одним из произведений, использованным в процессе программы, стала картина Люка Филдеса «Доктор». Сцена, изображенная в данном произведении, близка многим участникам, поскольку на картине мы видим доктора, сидящего у постели больного ребенка, т. е. ситуация, с которой в той или иной форме многие в группе неоднократно сталкивались. Поэтому встретившись с этим сюжетом во время сеанса арт-терапии, участники автоматически перенесли его на себя, что привело к открытому обсуждению многих проблем и страхов, которые раньше каждый из них держал в себе[8]. Присутствие опыта совместной работы есть основное отличие музейной арт-терапии от клинической практики. Обсуждение в группе дает бóльшую терапевтическую ценность, чем просто осознание проблемы внутри себя.

Это правило сработало и во время второй части программы, когда участники обсуждали уже свои собственные работы. Поскольку часто участники не могут сами четко сформулировать, почему они изображают ту или иную деталь, используют определенные цвета, особое, иногда абсолютно непривычное, расположение объекта в плоскости рисунка, то функция арт-терапевта состоит в том, чтобы создать связь между обсуждаемым изображением, личным опытом понимания данного изображения и контекстом встречи, что способствует активному обсуждению проблемы в группе и поиску ее решения.

После прохождения такой музейной арт-терапии бóльшая часть участников программы сказала, что полученный опыт группового общения был очень полезен и оказал положительное влияние на выстраивание коммуникационных процессов с их подопечными. Многие из участников хотели бы в будущем снова поучаствовать в подобных проектах[9].

Подводя итог, можно отметить, что методы музейной арт-терапии имеют особое значение для занятий с людьми, страдающими различными видами стрессов и деменций, в силу того что они: 1) предоставляют возможность справиться с агрессией и научиться выражать эмоции согласно социальноприемлемым нормам; 2) дают основания для интерпретации и диагностики в процессе терапии; 3) позволяют выявить те мысли и чувства, которые кажутся непреодолимыми, и целенаправленно проводить терапевтическую работу с конкретными страхами и тревогами; 4) способствуют развитию взаимоотношений в группе. Очень часто совпадения вкусов в художественном творчестве среди членов группы приводят к развитию положительных чувств друг к другу; 5) способствуют осознанию собственной личностной ценности.

Сопоставляя методики арт-терапевтических занятий в музеях России и Великобритании, можно констатировать, что, несмотря на четкое проявление общей структуры построения арт-терапевтических занятий в России и Великобритании, британская модель имеет ряд особенностей, которые играют существенную роль в процессе самой терапии. В первую очередь в процессе разработки арт-терапевтических программ сделан акцент на присутствии квалифицированного арт-терапевта, который умеет грамотно интерпретировать образы, выстраивать коммуникационные связи, создавать условия для побуждения к самовыражению и изменению отношения к себе и другим. Именно поэтому британская идея о присутствии во время сеанса музейной арт-терапии двух специалистов, один из которых сотрудник музея, а другой профессиональный арт-терапевт является наиболее оптимальной.

Еще одна особенность – это необходимость активного группового обсуждения тех работ, которые участники создают в процессе

сеансов арт-терапии. Конечно, сам по себе акт творчества уже имеет терапевтический эффект, но, если позволить человеку «озвучить» то, что его беспокоит, этот эффект многократно усиливается. В программах Государственного Русского музея этот аспект, к сожалению, отсутствует, и процесс ограничивается лишь созданием участниками своих работ под руководством педагога.

Следует рассмотреть возможность использования опыта британских специалистов в арт-терапевтических программах Русского музея с целью повышения их эффективности и дальнейшего совершенствования.

Примечания

[1] Жвитиашвили Н. Арттерапия в музее // 60 параллель: журн. о культ. политике и гуманит. практиках / Центр культурных инициатив г. Сургута. 2007. № 2 (25), июнь. URL: http: // journal. 60parallel. org (дата обращения: 30. 09. 2013).

[2] Там же.

[3] Платонова О. В. Арттерапия в художественном музее. СПб.: СпецЛит, 2000. С. 4.

[4] От англ. «expression» – выражение. Методика активной арт-терапии, построенная на самовыражении через самостоятельное творчество.

[5] От англ. «impression» – впечатление. Методика воздействия на человека через художественные произведения великих мастеров.

[6] Платонова О. В. Указ. соч. С. 43.

[7] Shaer D. The role of art therapy in a pilot for art-based information prescriptions at Tate Britain // Intern. j. of art therapy. 2008. Vol. 13, № 1. P. 26.

[8] Ibid. P. 28.

[9] Ibid. P. 31.